

ДОПОЛНЕНИЯ, ПОПРАВКИ, ЗАМѢТКИ.

Въ 3-емъ выпускѣ „Русскаго Архива“ вкрались двѣ важныя опечатки. Напечатано, будто А. С. Хомяковъ далъ К. А. Коссовичу для поѣздки въ Лондонъ 5 рублей, что уже дало поводъ обвинять Хомякова въ скупости, тогда какъ Коссовичъ получилъ отъ Алексѣя Степановича 5 тысячъ рублей и могъ не только съѣздить на всемірную выставку и попутешествовать по Германіи (гдѣ онъ видѣлся съ В. А. Жуковскимъ), но и закупить себѣ много книгъ нужныхъ ему по его занятіямъ Санскритомъ и другими Восточными языками. На каждой такой книгѣ была у него надпись: „Благо-дѣяніе А. С. Хомякова“.

Прекрасное село Бѣлкино, владѣніе графа Д. М. Бутурлина, очутилось собственностью не Оболенскаго (какъ напечатано), а Обнинскаго.

*

Въ наши сѣрые многозаботливые дни, когда прекрасный Русскій языкъ такъ обильно засоряется словами иностранными, когда свѣтлая муза поэзіи становится не только кривлякою, но иногда и непотребницею, любители и цѣнители высокаго словеснаго искусства должны довольствоваться произведеніями прошлой жизни, и потому обращаются къ изученію великихъ нашихъ писателей, стяжавшихъ Русскому имени славу и въ другихъ государствахъ. Въ этомъ столь достопочтенномъ направленіи Русской науки особенно посчастливилось Пушкину. Мы говоримъ объ изданіи: „Пушкинъ и его современники“, которое, отъ времени до времени, выходитъ при Императорской Академіи Наукъ, чему, какъ мы увѣрены, способствуетъ то, что президентомъ Академіи Августѣйшій собратъ Пушкина въ области поэзіи.

Изъ цѣнныхъ разслѣдованій отмѣчаемъ въ 14-омъ выпускѣ этого изданія розысканія П. Е. Щеголева относительно біографіи и текста Пушкина. Намъ вспомнилось, что князь П. А. Вяземскій журилъ насъ, что мы въ каждомъ произведеніи Пушкина ищемъ чертъ автобіографическихъ, тогда какъ многое писалъ Пушкинъ вовсе забывая о себѣ лично. Этотъ упрекъ не относится къ труду Щеголева. Его тщательныя, мелочныя разслѣдованія черновыхъ рукописей поэта, которыя сняты даже фотографически, привели между прочимъ къ двумъ положительнымъ, неподлежащимъ сомнѣнію, выводамъ: Пушкинъ лишь въ одномъ посланіи воспѣлъ княгиню Марью Аркадьевну Голицыну и влюбленъ былъ (не мимоходомъ, а глубоко и искренне) въ княгиню Марію Николаевну Волконскую, рожденную Раевскую, супругу Декабриста.

Такимъ образомъ имя Пушкина связывается съ именами Ломоносова и Суворова.

Нижеслѣдующія замѣтки на то, что помѣщено на обложкѣ 3-го выпуска „Русскаго Архива“ сего года, по поводу празднованій великаго дня 19 Февраля 1861 года, присланы намъ отъ маститаго, достойно-уважаемаго, очевидца этой реформы, вводившаго уставныя грамоты въ пяти большихъ имѣніяхъ, оставшихся въ его распоряженіи по кончинѣ его родителя († 1858 года). „Такимъ образомъ (пишетъ онъ) я фактически былъ *рабовладельцомъ*, въ теченіи 3-хъ лѣтъ, и почти неограничено распоряжался судьбою 4 т. ревизскихъ мужскихъ душъ, что съ бабами и дѣтьми, родившимися послѣ ревизіи, составляло народонаселеніе приближавшееся къ цифрѣ 10.000 человекъ. Значить, много могъ бы я рассказать объ этой знаменательной эпохѣ, но конечно этого не сдѣлаю по ненависти ко всему, что подходитъ къ ряду записокъ, воспоминаній, почти всегда одностороннихъ. Однако укажу вамъ на два лица, которыя повидимому совершенно забыты почитателями сподвижниковъ Александра Николаевича и его вѣнценосныхъ предмѣстниковъ, сочувствовавшихъ этой идеѣ, но не рѣшавшихся приступить къ ея осуществленію“.

„Къ числу сихъ послѣднихъ слѣдуетъ непременно отнести императора Павла. Онъ конечно болѣе заслуживаетъ признательнаго почета, нежели его сыновья Александръ и Николай. Николай Павловичъ еще кой-что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, хотя то, что вы повѣствуете о словахъ Государя Александра Николаевича, обращенныхъ къ графамъ Орлову и Адлербергу, стоявшихъ будто бы у дверей комнаты, гдѣ умиралъ Николай Павловичъ*), для меня сомнительно: сколько разъ слышалъ я отъ отца моего (бывшаго дѣйствительно у дверей комнаты, въ которой у кровати умиравшаго Царя находился, кромѣ царскаго семейства, только графъ Адлербергъ) рассказъ о послѣднихъ минутахъ Государя, но рѣшительно не помню, чтобы что либо относилось въ посмертныхъ словахъ Царя къ крестьянамъ. Что Николай многого желалъ, хотя мало сдѣлалъ въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ въ свое тридцатилѣтнее царствованіе, это несомнѣнно и можетъ быть доказано многими указами Правительствующему Сенату и еще большимъ числомъ высочайшихъ повелѣній по Министерству Внутреннихъ дѣлъ, касательно облегченія крѣпостнымъ людямъ перехода въ свободные хлѣбопашцы, взятія подъ опеку имѣній, гдѣ помѣщики слишкомъ много злоупотребляли своей властью; но все это были, такъ сказать, полумѣры, свидѣтельствовавшія только о томъ, что Николай Павловичъ сознавалъ великое зло крѣпостнаго права, но принять рѣшительныя мѣры для полнаго искорененія этого зла онъ не рѣшался, или не имѣлъ достаточного времени, поглощаемаго пятью войнами, не считая постоянной Кавказской войны,

*) Графъ А. Ѳ. Орловъ передавалъ о томъ своему племяннику Николаю Михайловичу Орлову; а графъ П. Д. Киселевъ тоже своему племяннику Николаю Сергѣевичу Киселеву. Я слышалъ о томъ отъ нихъ обоихъ. П. Б.

которая въ это царствованіе достигала грозныхъ размѣровъ, какихъ ни прежде, ни послѣ не имѣла—зарожденіе юридика, появленіе Шамиля, Дарго и другіе эпизоды этой войны, если не особо тревожившіе Государя, тѣмъ не менѣ отвлекавшіе его отъ другихъ царственныхъ заботъ“.

„Впрочемъ Николай Павловичъ до извѣстной степени берегъ помѣщичью власть и ею дорожилъ, такъ какъ видѣлъ въ ней власть, поддерживающую порядокъ и спокойствіе въ Россіи. Десять тысячъ помѣщиковъ были въ его глазахъ столько же полиціймейстеровъ, не получающихъ ни жалованья, ни крестовъ; это слышалъ разъ батюшка, будучи Московскимъ губернаторомъ, отъ самого Государя“.

„Государь Александръ Павловичъ, наравнѣ съ братомъ считающійся во всѣхъ юбилейныхъ и относящихся до 19 Февраля 1861 г. рѣчахъ подготовителемъ великой реформы вѣнценоснаго своего племянника, фактически сдѣлалъ въ этомъ отношеніи еще менѣ брата; да и времени ему было для этого дѣла еще меньше. Конечно, sentimentalный воспитанникъ поклонника философіи Руссо, вѣроятно, много говорилъ о благахъ свободы для крестьянина-раба съ своими либеральными друзьями въ первые годы своего царствованія, быть можетъ и помыслилъ когда нибудь даровать эту свободу, послѣ того, какъ окончилъ съ проведеніемъ политической конституціонной свободы въ Финляндіи и Польшѣ, но далѣе этихъ мечтаній и пожеланій по видимому Благословенный не пошелъ. Какіе либо правительственные акты для облегченія тяжести крѣпостнаго ига (кромѣ нѣкоторыхъ письменныхъ указаній Сперанскому) въ его царствованіе наврядъ ли можно отмѣтить. Напротивъ, онъ дѣлалъ сотни тысячъ такъ называемыхъ государственныхъ крестьянъ, обладавшихъ все-таки, въ сравненіи съ помѣщичьими и удѣльными, нѣкоторыми гражданскими правами, перечисливъ въ военныя поселенія, и фактически обратилъ ихъ въ крѣпостные, да еще такого безсердечнаго палача-помѣщика, какимъ былъ его другъ Аракчеевъ“.

„Изъ всѣхъ предмѣстниковъ великаго Царя-Освободителя только одинъ императоръ Павелъ дѣйствительно выступилъ въ защиту обездоленнаго, крѣпостнаго крестьянина изданіемъ знаменитаго указа 5-го Апрѣля 1799 года, ограничивавшаго тремя днями въ недѣлю барщину, которую помѣщичьи крестьяне были обязаны отбывать въ пользу своихъ владѣльцевъ. Это былъ огромный шагъ впередъ по пути облегченія участи крѣпостныхъ, такъ какъ до изданія этого указа никто не могъ запретить помѣщику требовать барщины (въ то время, за отсутствіемъ отхожихъ промысловъ, почти единственной, но весьма тяжелой повинности) „барщины“ хотя бы во всѣ семь дней недѣли, что къ стыду дворянства часто случалось и подало поводъ къ изданію этого указа. Забыли императора Павла ораторы и литераторы, но не забывалъ благодарный крѣпостной крестьянинъ. Я хорошо помню, какъ во всѣхъ нашихъ сельскихъ церквахъ (а ихъ было, если не ошибаюсь, восемь), въ поминальныхъ

записяхъ, въ особенности у почтенныхъ сѣдыхъ хозяевъ, во главѣ длиннаго перечня именъ поминаемыхъ, непосредственно передъ именами моего отца и дѣда, непремѣнно стояло имя Павла. Такъ какъ въ нашемъ роду именъ Павла никогда не было, то я полюбопытствовалъ узнать отъ стариковъ, кто этотъ Павель, память котораго они такъ высоко чтили, и тогда впервые услыхалъ объ этомъ „барщинномъ“, какъ его называли крестьяне, указѣ Павла Петровича. Впослѣдствіи мнѣ привелось гдѣ-то прочесть, что указъ этотъ былъ въ числѣ причинъ, зародившихъ мысль о злодѣяніи 11-го Марта 1801 г.; но я этого не полагаю: у Петербургской знати было довольно побужденій ненавидѣть Царя, который имъ, по примѣру своей матери, не мирволилъ, и безъ этого указа. По смерти Александра II, въ поминальныхъ книжкахъ богомольныхъ стариковъ съ именами Павла и митрополита Филарета стали появляться, уже полнымъ титуломъ, императоръ Александръ Николаевичъ, императрица Марія Александровна. Николая и Александра Павловичей, какъ и прежде, народъ не поминалъ“.

„Другое громкое имя было позабыто на только что отбытыхъ юбилейныхъ торжествахъ, имя творца „Горе отъ ума“. Не отвергаю вліянія, которое могли имѣть „Записки Охотника“ на Государя Александра Николаевича, завѣдомо увлекавшагося этимъ образцовымъ произведеніемъ Тургенева; можно сомнѣваться, чтобы творенія Писемскаго или Гончарова, также—хотя только мимоходомъ—касавшіяся злополучнаго бытія крестьянъ, могли остановить на себѣ вниманіе Монарха или многихъ изъ его ближайшихъ сотрудниковъ въ задуманномъ имъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Но рядомъ съ этими именами встрѣчать имя Григоровича, какъ одного изъ внушителей этой великой мысли, странно всякому, кто зналъ, какъ мало въ пятидесятыхъ годахъ еще значилъ этотъ несомнѣнно умный, образованный, но весьма заурядный писатель, уже по самому кругу, въ которомъ онъ, играя немного роль паразита, вращался, совершенно чуждый тѣмъ идеямъ, которыя заявлялъ кружокъ Великой Княгини Елены Павловны. Ея умная, привѣтливая, но занятая только художественными вопросами и мелочами свѣтской жизни, красавица-племянница Великая Княгиня Марія Николаевна, давая своимъ покровительствомъ нѣкоторое значеніе Григоровичу, была съ окружающими ея блестящими представителями Петербургской аристократіи (Строгановыми, Шуваловыми, Маклашевскимъ и Горчаковымъ) прямымъ контрактомъ *genio loci* Михайловскаго дворца съ его серьезными, немного тяжелыми и скучноватыми завсегдатаями, Милютинымъ, Черкасскимъ, Самаринимъ“.

„Можно даже предполагать, что кружокъ Великой Княгини Маріи Николаевны, занимаясь вопросомъ освобожденія крестьянъ, относился къ нему если не совсѣмъ враждебно, то покрайней мѣрѣ отрицательно; а теперь мы видимъ, что вышедшій изъ этого кружка писатель, сначала извѣстный только принадлежностью къ нему, становится рядомъ съ Тургеневымъ на пьедесталъ вдохновителя великаго Царя, который, можно полагать, никогда ничего не читалъ изъ произведеній Григоровича (изъ нихъ, кажется, только въ одномъ

„Антонъ Горемыкѣ“ фабула разсказа касается быта крѣпостныхъ дворовыхъ людей“.

„А при этомъ имя Грибовдова совершенно позабыто! Забыть тотъ, кто такими лапидарными, врѣзывающимися въ память словами громилъ съ высоты театральной сцены рабовладѣльцевъ, избличая въ знаменитомъ монологѣ Чацкаго „Нестора негодяевъ знатныхъ“, промѣнявшаго цѣлю раболѣпствующую дворню на „борзыхъ три собаки“, или „того другаго“, составившаго въ Москвѣ балетъ изъ оторгнутыхъ „отъ отцовъ и матерей дѣтей“, которыя потомъ были „распроданы по одиночкѣ“, или окрикъ Фамусова на провинившуюся челядь въ послѣднемъ актѣ: „на работу ихъ, на поселенье ихъ“. Разнѣ эти обличенія не дѣйствовали сильнѣе и на большее число слушателей, нежели сравнительно мягкія описанія мрачныхъ сторонъ крѣпостничества на читателей „Записокъ Охотника?“ А „Горе отъ Ума“, независимо отъ зрителей, имѣло никакъ не менѣе читателей и слушателей, какъ произведенія Тургенева“.

*

„Во 2-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“, вы недоумѣваете, состоялось ли назначеніе къ Наслѣднику нѣкоего Фовицкаго учителемъ Польскаго языка. Понятно, что нѣтъ, такъ какъ съ этою цѣлю былъ избранъ помощникомъ къ генераль-адъютанту Мердеру офицеръ Литвинъ, изъ воспитателей I Кадетскаго Корпуса, Семенъ Алексѣевичъ Юрьевичъ, въ послѣдствіи также генераль-адъютантъ Государя Александра Николаевича. Онъ, по отзывамъ, слышаннымъ мною отъ князя Льва Радзивилла и графа Амвросія Потоцкаго, превосходно владѣлъ Польскимъ языкомъ. Графъ Потоцкій съ гордостью разсказывалъ, какъ онъ въ одной парѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ подѣзжалъ, на разводѣ въ Лазенкахъ, ординарцемъ отъ Польскаго Конноегерскаго полка къ Государю Николаю Павловичу, и оба рапортовали Его Величеству по-польски“.

„Графъ Потоцкій до конца жизни оставался приверженцемъ, если не Русскаго правительства, то по крайней мѣрѣ Русскаго царскаго дома“.

